

БРАТЕЦЬ И СЕСТРИЦА

— Вотъ, другъ мой, Боринька, дожили мы съ тобой, по милости Божіей, и до этой радости: Наташа будеть на этой недѣлѣ; вотъ и письмо Анны Матвѣвны!

— Ну, слава Богу! отвѣчалъ зять старушки, который только-что возвратился со службы и, мимоходомъ, отправилъ изъ передней и залы двухъ гонцовъ на кухню, чтобы скорѣе подавали кушать. — Что же еще пишеть Анна Матвѣвна, или сама Наташа?

— И та пишеть, и другая. Вотъ, прочитай! Хвалить голубицу нашу, другъ мой, вчужѣ радуется нашему счастью. Въ субботу выѣзжаютъ: ты знаешь, Анна Матвѣвна, постаринному держится легкихъ дней; а, право, ужь нѣть дня легче субботы. Вотъ, другъ мой, продолжала она: — и новыя заботы въ домъ; дочь у тебя заневѣстилась: надо будетъ ее и въ люди показать, надо будетъ и у себя принимать хорошихъ людей. Оберегай ее, какъ отецъ,

да втихомолку пріискивай ей ровнюшку...
вотъ, напримѣръ, какъ Илья Степанычъ...

— И, матушка, перебилъ ее зять: —
успѣемъ! Что это, еще и въ домѣ невѣсты
нѣть, а вы жениховъ накликаете.

И, поцаловавъ руку у старушки, Борисъ
Михайловичъ опять оглянулся, услышавъ
шаги человѣка въ столовой, и сказалъ:

— А что жь кушать, скоро ли?

— Подано, отвѣчалъ молодой человѣкъ,
войдя въ комнату и поздоровавшись съ
хозяевами, назвавъ одного батюшкой, а
другую бабушкой и поцаловавъ у нея
руку. — А, это ты, Никандръ, а вотъ мы въ
радости сегодня: Наташа ѳдетъ!

Разговоръ, все о томъ же предметѣ,
сдѣлался общимъ и мирное семейство,
состоявшее изъ трехъ членовъ и ожидавшее
съ такимъ нетерпѣніемъ четвертаго, пошло
къ столу.

Борисъ Михайловичъ, человѣкъ
почтенный иуважаемый всѣми въ томъ
губернскомъ городѣ, гдѣ они жили,
занималъ давно уже одну изъ высшихъ
губернскихъ должностей; онъ былъ вдовъ,

а Марья Аѳанасьевна, теща его, осталась при немъ, по старой привычкѣ и изъ любви къ дѣтямъ. Впрочемъ, старушкѣ бы почти и некуда болѣе приткнуться, потому что у нея была однимъ—одна дочь. Борисъ Михайловичъ жилъ одной службой, хотя у старушки и было довольно—хорошее имѣнье; она за дочерью не отдала ничего, сказавъ: «коли, дастъ Богъ, переживете меня, то все ваше будетъ; а до того времени я вамъ кланяться не хочу; будемъ жить вмѣстѣ, такъ и мои доходы пойдутъ въ ваше хозяйство, а разъѣдемся врознь, такъ мое, покуда, при мнѣ».

Но они врознь не разъѣзжались, а жили совѣтно и любовно до самой смерти жены Бориса Михайловича, которая скончалась уже лѣтъ десять назадъ. Осталась дочь, Наташа, ребенокъ лѣтъ семи, да сводный братъ ея, Никандръ, сирота, взятый въ домъ по смерти родителей его. Ему было при кончинѣ супруги Бориса Михайловича лѣтъ пятнадцать; о немъ заботились, какъ о сынѣ; а такъ—какъ онъ показывалъ хорошія способности и особенную охоту къ

рисованію и черченію, то его и пристроили въ Академію Художествъ, откуда онъ возвратился чрезъ нѣсколько лѣтъ, опредѣлившись губернскимъ архитекторомъ въ тотъ самый городъ, гдѣ жили названные родители его.

Между тѣмъ и Наташа подростала; она была на рукахъ у бабушки, но и Борисъ Михайловичъ не спускалъ съ нея глазъ. Надобно было подумать о такъ—называемомъ воспитаніи ея, то—есть о приданіи уму ея свѣтской гибкости, условнаго приличія и общепризнанныхъ за необходимое поверхностныхъ свѣденій, а также наружности ея того французскаго лоска, для котораго теперь, можетъ—быть, и самое название французскаго покажется неумѣстнымъ, потому что онъ принялъ всюду, гдѣ общество называется благовоспитаннымъ и образованнымъ. Для этого, послѣ долгихъ разсужденій, отправили наконецъ Наташу къ зажиточной тёткѣ въ сосѣдній губернскій городъ. У тётки этой было на рукахъ три дочери и для нихъ нарочно была выписана, за дорогую

цѣну, петербургская гувернантка; тѣтка писала объ этомъ Борису Михайловичу и убѣждала довѣрить ей, хотя года на три—четыре, воспитаніе Наташи, которая такимъ образомъ и провела время это и заневѣстилась внѣ отеческаго дома. Бабушка долго не рѣшалась разстаться съ внучкой своей, говоря, что она для нея только и живеть теперь на свѣтѣ, но Борисъ Михайловичъ, будучи вообще доволенъ простымъ, благоразумнымъ и естественнымъ обращеніемъ бабушки съ внучкой, никакъ не могъ, однакожъ, назвать это воспитаніемъ въ томъ смыслѣ, какой придается у насъ этому слову, не находилъ также удобнымъ пополнить недостающее губернскими средствами, а потому и убѣдилъ старушку воспользоваться предложеніемъ тѣтки, тѣмъ болѣе, что разстояніе было невелико и что разъ или два въ годъ можно было Наташу навѣщать.

Только—что семья наша сѣла—было за столъ, какъ загроможденная поклажей коляска вдругъ подкатила къ подъѣзду и

всѣ вскочили, узнавъ прокуроршу, которая ъздила въ сосѣдній губернскій городъ, и, по обѣщанію своему, привезла Наташу. Братецъ ея, губернскій архитекторъ, встрѣтилъ ее и обнялъ первый, передалъ съ рукъ на руки отцу, а этотъ бабушкѣ. Прокурорша, объяснивъ случайныя причины этого досрочнаго прибытія, расцаловала бабушку и, отказавшись даже присѣсть, отправилась въ коляскѣ домой.

Итакъ Наташа, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, была опять дома. Времени прошло немного, но какъ все въ глазахъ ея измѣнилось! Немудрено; дѣвушка двѣнадцати и шестнадцати лѣтъ это не одна и та же особа, не одинъ и тотъ же человѣкъ: это разъединившаяся двойчатка, изъ которой одна половина ушла назадъ, въ потѣмки прошедшаго, и уходить все дальше-и-далше, а другая выступила впередъ и, опознаваясь исподволь на новой мѣстности своей, постепенно идетъ смѣлѣ-и-смѣлѣ впередъ... Кукла болѣе походить на младенца, чѣмъ дѣвочки на дѣвицу!

Наташа бѣгло перескакивала мыслями и языкомъ съ одного предмета на другой, съ другаго на третій и пятый, столько ежеминутно раждалось въ ней ясныхъ и неясныхъ воспоминаній, столько было вопросовъ, распросовъ и развѣдываній, а между тѣмъ рѣдко доставало терпѣнія выслушать до конца мѣрный отвѣтъ отца, чинный разсказъ бабушки или подробныя объясненія братца; Наташа кидалась на другое и сама бѣгала изъ покоя въ покой, по всему дому, желая навѣстить каждый знакомый уголъ. И шкапъ съ перильцами наверху и съ мѣдными шарами по угламъ, и тагильскій большой сундукъ, синій съ алыми цвѣтами, окованный желѣзомъ, и горка въ углу, съ фарфоровыми сборными чашками, подарками отцу, покойной матери и бабушкѣ въ дни именинъ и рожденій — все это были старинные знакомые и пріятели Наташи, надъ которыми она готова была отъ радости и плакать и смѣяться. Домъ Бориса Михайловича ожилъ и просвѣтлѣль съ того мгновенія, какъ Наташа въ него вступила.

Взрослый ребенокъ этотъ, какъ было уже однажды сказано о другомъ, подобномъ ему существѣ, соединялъ въ себѣ, такъ—сказать, обѣ природы родителей своихъ, представляя олицетвореніе этого союза. Хотя Наташѣ и было всего только семнадцатый годъ и она даже, по живости своей, казалась еще моложе, неменѣе того во всемъ существѣ ея проявлялась какая—то страстная преданность — основаніе женственности, и въ то же время независимая сила и самостоятельность отца. Эту смѣсь силы и кротости, принужденіе и насилие не могли себѣ подчинить; они только возмущали дѣвственную душу, поселяя въ ней одно исключительное чувство — негодованіе; но за—то разумное убѣжденіе, а еще болѣе простая, убѣдительная просьба, порабощали ее безусловно. Такимъ—образомъ слабость ея заключалась именно въ этой безсознательной силѣ, которая легко и безусловно покорялась кротости и ласкѣ, будучи затѣмъ готова на безусловное самопожертвованіе, чтобы только отмолить

вынужденный природою вещей проступокъ. Стоило только выказать какой–либо доблестный поступокъ или заставить Наташу быть вольнымъ или невольнымъ поводомъ какого–либо оскорбления, и герой ея, или притѣсненный, получали, такъ–сказать, надъ нею полную власть: уваженіе, раскаяніе и состраданіе одинаково овладѣвали благородною преданностью ея и подчиняли ее постороннему вліянію.

Все выказывало въ ней природу, которая чувствовала силу и свѣжесть свою, не зная ни гордости, ни тщеславія. Обиліе жизненности вещественной и духовной сдерживалось ею только съ трудомъ въ предѣлахъ условнаго приличія, и даже глаза ея были лучисты; но эта могучесть жизни, будто сама передъ собою краснѣя, облекалась ласкою, нѣгою и кротостью. Если изъ груди ея вырывалось повременамъ звучное междометіе, или она сама себя ловила съ поличнымъ, опомнившись при какомъ–нибудь быстромъ, рѣшительномъ движениіи, то она вдругъ останавливалась, какъ тронутая волшебнымъ жезломъ, и не

знала куда дѣваться съ кипучею молодостью. Эта мнительность и осторожность, тщательно—подавлявшая на каждомъ шагу упрямую природу, обозначались какою—то кипучею воздержностью и дѣятельнымъ покоемъ, довольно—любопытными для наблюдателя.

Бабушка была ласкова къ Наташѣ, не понукала и не запинала ее на каждомъ шагу, а присматривалась и прислушивалась къ ней, чтобъ сперва ознакомиться съ нею послѣ долгой разлуки и вполнѣ понять ее и изучить. Но забота о томъ, чтобъ хорошохонько пристроить Наташу, не выходила изъ думки Марыи Аѳанасьевны и она въ тотъ же вечеръ и опять на другой день, оставшись одна съ зятемъ, проговорила:

— Да, Боринька, вотъ и новыя заботы: надо подумать о дочери; надо хорошаго человѣка пріискать, чтобъ былъ ей ровня...

— И, матушка! отвѣчалъ опять Борисъ Михайловичъ: — каждому дню свое: Богъ позаботится обо всѣхъ. Прійдетъ время,

тогда принадумаемся. Когда рожь, тогда и мѣра.

Но бабушкѣ поговорка ея вошла въ привычку и дня не проходило, чтобы старушка не проговаривалась. Она перебирала про-себя всѣхъ жениховъ, какихъ только знала въ губерніи, и съ глубокимъ вздохомъ качала головой: «все не то!» Ей нуженъ быль напередъ всего нравственно-безукоризненный человѣкъ — такъ высоко цѣнила она достоинства внучки своей, а затѣмъ она также требовала отъ него порядочную родословную, хорошее состояніе, уваженное положеніе въ свѣтѣ или обществѣ, само-собою разумѣется, что наружность и лѣта должны были всему этому отвѣтить. Словомъ, трудно было по этой статьѣ на бабушку угодить: не знаю, такъ ли причудлива будетъ современемъ внучка.

Дни шли за днями и между братцомъ и сестрицей, губернскимъ архитекторомъ и Наташой то-есть, не было замѣтно никакой особенно-тѣсной дружбы; не видавшись нѣсколько лѣтъ, они какъ-будто чуждались

нѣсколько другъ друга, потому именно, какъ я уже сказалъ, что дѣвочка и дѣвица вовсе не одно и то же лицо: первой нельзя болѣе узнать во второй и старый другъ и товарищъ дѣвочки стоить передъ дѣвицей невольно растерявшись и не находя ладу и мѣры для словъ своихъ и обращенія съ нею. Впрочемъ, какъ братецъ и сестрица, они стали мало—по—малу опять свыкаться.

Но судьба, или случай вдругъ, внезапно измѣнили отношенія эти. Разва два—три уже случалось, что Наташа, по быстротѣ и опрометчивости первого движенія своего, несправедливо обвинила—было своего братца въ какомъ—либо словѣ или иномъ дѣйствіи, и вслѣдъ затѣмъ сильно сама передъ собой была пристыжена. Въ такой душѣ, какъ была Наташа, это сознаніе погрѣшимости своей и превосходства въ другомъ существѣ необходимо должно было произвести нѣкоторый переворотъ, и именно добровольное подчиненіе себя тому, кому не могла отказать въ уваженіи. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: при постройкѣ Никандромъ

Петровичемъ собора, беззаботливость одного изъ подрядчиковъ и авосьничанье рабочихъ во время двухдневнаго отсутствія строителя по дѣламъ въ уѣздномъ городѣ, были причиной бѣдственнаго случая, который былъ отвращенъ одною только рѣшимостью, отвагою и присутствіемъ духа самого архитектора, который спасъ этимъ жизнь двухъ человѣкъ, обреченныхъ уже на гибель. Часть лѣсовъ внезапно обрушилась въ то самое время, когда Никандръ Петровичъ, воротившись изъ поѣздки, навѣстилъ работы; при этомъ двухъ человѣкъ на верхнихъ лѣсахъ ушибло и прижало такъ, что они не могли высвободиться. На мѣстѣ было немного рабочихъ, да и тѣ, испугавшись и потерявшись, не рѣшались ни на что, и погибающіе уже лишились чувствъ, или по крайней–мѣрѣ голоса; они замолкли и предались своей участіи. Страшно было смотрѣть на нихъ снизу, какъ они висѣли на обнаженныхъ вокругъ лѣсахъ, на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ земли, а между–тѣмъ къ нимъ не было никакого

доступа: лѣстницы и сходни всѣ обрушились. Каждое мгновеніе было дорого. Никандръ Петровичъ бросился къ зданію, вызывая другихъ за собою, и сунувъ въ карманъ одинъ только пучокъ нитокъ, съ опасностью жизни, счастливо одолѣвъ всѣ препятствія, взобрался изнутри на сводъ собора, а оттуда, по остаткамъ обрушившихся лѣсовъ, ловко доползъ до мѣста гибели двухъ рабочихъ. Удостовѣрившись здѣсь въ томъ, что голыми руками пособить невозможно, онъ, сидя верхомъ на бревешкѣ, спустиль бичевку свою внизъ и закричалъ, чтобы проворнѣе привязали къ ней пилу и конецъ веревки, которую надвязывали, по распоряженію его, по-мѣрѣ-того, какъ онъ ее подымалъ и она приходила къ концу. Перепиливъ съ болѣшою осторожностью брусь, который прижалъ двухъ несчастныхъ каменьщиковъ, одного за руку, а другаго поперегъ всего тѣла, Никандръ Петровичъ, съ помощью еще одного каменьщика, который наконецъ рѣшился послѣдовать его примѣру,

спустиль бѣдствующихъ, одного за другимъ, благополучно на земь помошью взятой имъ снизу веревки.

Впродолженіе этого времени вокругъ собора на шумъ и крикъ собралось множество народа; а какъ присутственныя мѣста были на той же площади, то можно сказать, что весь городъ, а въ томъ числѣ и Борисъ Михайловичъ, были свидѣтелями происшествія. Оно надѣлало много шума; не могли надивиться и нарадоваться отвагѣ и рѣшимости архитектора; и если случай этотъ увеличилъ всеобщее къ нему уваженіе, то онъ стоялъ съ этого дня передъ сестрицею какъ баснословный герой, какъ полубогъ. Всѣ чувства ея покорились ему, и когда, на другой день, семья одного изъ спасенныхъ имъ рабочихъ, не удовольствовавшихъ благодарностью, изъявленною лично Никандру Петровичу, пришла еще на домъ къ нему, когда его тамъ не было, и упала въ ноги передъ бабушкой и передъ барышней, обнимая колѣни ея, то она не взвидѣла

подъ собою земли отъ радости и чувства гордости — не за себя, а за своего братца.

Вскорѣ послѣ этого событія Марья Аѳанасьевна, сидя вечеромъ одна съ зятемъ, опять начала вздыхать и приговаривать, что пора подумать объ устройствѣ участіи Наташи, но на этотъ разъ сказала это не совсѣмъ въ общихъ словахъ, не на вѣтеръ, а перешла къ намекамъ болѣе—положительнымъ, спросивъ зятя, какого онъ мнѣнія, напримѣръ, о томъ человѣкѣ, у котораго есть имѣніе, называемое Верхніе—Сушняки?

Борисъ Михайловичъ, не обративъ сначала большаго вниманія на обычныя слова тёщи, вдругъ поднялъ голову, взглянуль на нее во всѣ глаза и спросилъ прямо:

— Какъ, развѣ онъ сватается?

— Нѣть не совсѣмъ или, можетъ—быть, отвѣчала та: — но я все—таки желала бы знать зарлаговременно мысли твои, Боринька, объ этомъ человѣкѣ, и затѣмъ пустилась расхваливать его.

Зять долго слушалъ молча, потомъ сказалъ:

— Матушка, мое мнѣніе вотъ какое: вы все заботитесь о женихѣ, ищете его за тридевять земель, а передъ собой его не видите. Я думаю, если намъ не вмѣшиваться, а предоставить дѣло судьбѣ и тѣмъ, до кого оно всего ближе касается, то оно и сдѣлается безъ насъ, и сдѣлается недурно.

Марья Аѳанасьевна, въ свою очередь, выпрямилась въ креслѣ своеемъ и съ крайнимъ изумленіемъ смотрѣла на зятя: она не хотѣла, не смѣла понять его.

— Что это значитъ, о комъ вы это говорите? я васъ не понимаю.

— А я истинно не понимаю, матушка, отчего слова мои ставятъ васъ въ такое недоумѣніе. Взгляните на молодыхъ нашихъ: я думаю, что они будутъ просить, не старанія нашего, чтобы ихъ сблизить, а одного только благословенія.

Но бабушка долго еще не могла утѣшиться и успокоиться; она ставила сотни причинъ, почему обѣ этомъ союзѣ и думать

нельзя было, оканчивая, впрочемъ, каждое возраженіе свое тою же поговоркой: «да притомъ же, помилуй, она ему сестра!» Борисъ Михайловичъ не спорилъ ни противъ того, что Никандръ сирота, безъ рода безъ племени, что отецъ его не былъ даже записанъ въ родословную, не только въ шестую книгу, какъ этого требовала Марья Аѳанасьевна, что Никандръ былъ бѣднякъ, живущій однимъ жалованьемъ съ небольшимъ только пособіемъ отъ незначительныхъ частныхъ построекъ, что Наташа можетъ и должна составить не такую партію, и пр. Противъ всего этого Борисъ Михайловичъ не возражалъ ни слова, считая это, до времени, излишнимъ, а покончилъ тѣмъ же, чѣмъ началъ, то есть просилъ бабушку не торопиться и не затѣвать отъ себя никакихъ переговоровъ по этимъ дѣламъ. Борисъ Михайловичъ поступилъ такъ не только потому, что будущее насущное благосостояніе Наташи зависѣло отъ бабушки ея, владѣтельницы порядочнаго имѣнія, но и потому, что такое поведеніе было вообще согласно съ

ровнымъ, разсудительнымъ нравомъ его, и что онъ очень уважалъ бабушку, занимавшую уже столько лѣтъ въ домѣ мѣсто полной хозяйки.

Не знаю, замѣтили ль отецъ или бабушка какую-нибудь перемѣну въ молодыхъ людяхъ въ тотъ же вечеръ, но на другой день, къ-сожалѣнию, это было уже слишкомъ-замѣтно, и непріятная перемѣна эта усиливалась со-дня-на-день и дѣлалась для отца, и въ-особенности для бабушки, невыносимою. Никандръ быль либо въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, либо сидѣлъ молча въ темномъ углу и просыпался, какъ со сна, когда съ нимъ заговаривали; онъ сталъ наконецъ явно бѣгать изъ дома, подъ предлогомъ дѣлъ и занятій. Наташа измѣнилась еще замѣтнѣе: куда дѣвалась торопливость ея, прежняя опрометчивость и скорохватность, куда это дѣтское простодушіе и независимость, свобода пріемовъ? Она сдѣлалась робка, пуглива, будто безпрестанно держала ушки на макушкѣ и въ то же время — какое противорѣчіе! во

всѣхъ пріемахъ, въ обращеніи и рѣчи ея появилась какая-то плавность, степенность и обдуманная осторожность.

Перемѣна эта, какъ легко понять, была слѣдствіемъ дошедшихъ до молодыхъ нашихъ объясненій бабушки и отца. Горничная, лакомая до подобныхъ разговоровъ, незамѣтно подслушала все и сочла обязанностью передать слышанное любимой барышнѣ своей. Наташа, конечно, остановила бы ее и не стала бы слушать отъ горничной подобныхъ вещей, но у бѣдняжки захватило духъ съ первыхъ словъ рассказщицы, и она, подъ вліяніемъ новой для нея мысли, поразившей ее, какъ изъ тучи громъ, молча дослушала все, едва переводя духъ, и даже не отвѣчала ни слова, когда Палаша въ третій разъ уже окончила разсказъ свой и готовилась начать его въ четвертый. Къ-сожалѣнію, все это было также предметомъ разговора въ людской, въ застольной, и человѣкъ, раздѣвая вечеромъ Никандра, затянуль-было, съ оглядкой и осторожностью, ту же пѣсню. Никандръ Петровичъ остановилъ

его тотчасъ, заговорилъ о другомъ и отправилъ; но долго онъ не могъ сомнѣніе глазъ, и не зная, что именно было сказано и по какому поводу, рѣшилъ наконецъ, въ крайнемъ беспокойствѣ своемъ, заглянуть въ комнату Бориса Михайловича и переговорить съ нимъ, о чёмъ онъ доселѣ еще и не думалъ. Борисъ Михайловичъ не спалъ еще, удивился появлѣнію Никандра, но выслушалъ его спокойно и отвѣчалъ:

— До времени, любезный Никандръ, совѣтуя тебѣ отложить вовсе мысль объ этомъ. Есть много причинъ, которыя затрудняютъ это, и, между прочимъ, вы братъ и сестра. Прими совѣтъ мой къ сердцу, позабудь объ этомъ думать.

Дня три затѣмъ, Борисъ Михайловичъ, глядя на дѣтей, молчалъ; Марья Аѳанасьевна терпѣла долго, наконецъ, съ негодованіемъ и беспокойствомъ спросила:

— Такъ что жь это такое будетъ?

— Не знаю, матушка, отвѣчалъ Борисъ Михайловичъ: — вамъ лучше знать это. Я знаю только, что Никандръ просится въ

переводъ въ какой–нибудь другой губернскій городъ.

— Какъ, что это значитъ?

— А развѣ вы хотите требовать, чтобъ здѣсь, при этихъ обстоятельствахъ, онъ подвергался ежеминутной пыткѣ, чтобъ онъ то–и–дѣло казнился, глядя на... да хоть бы на всѣхъ насъ? Его держать нельзя, пусть съ Богомъ ѿдѣть.

Бабушка вздохнула и промолчала; черезъ нѣсколько дней однакожь, у нея опять лопнуло терпѣніе и она выбрала время, чтобъ поговорить съ Наташой. Но Наташа молчала; съ трудомъ только бабушка могла заставить ее вымолвить словечко; молчала, кротко и покорно, но съ этого часа еще болѣе повѣсила головку и на слѣдующій день, безъ всякаго упрямства, но по нездоровью, не могла выйти къ обѣду.

Бабушку взяла тоска не на шутку. Никандръ уѣхалъ, напросившись на командировку, и ожидалъ перевода въ другую губернію. Это смущало бабушку въ высшей степени; она привыкла къ нему и не

хотѣла бы съ нимъ разстаться. Наташа не была похожа на себя; самъ Борисъ Михайловичъ сдѣлался малословнымъ и скучалъ. Марья Аѳанасьевна пришла вечеромъ въ покой зятя, притворила двери и залилась слезами: жизнь ей опостылѣла, въ своеемъ же домѣ, да и житья нѣть — она для дѣтей живеть, и должна видѣть несчастіе дѣтей и прочее.

— Да въ чемъ же дѣло? спросилъ, наконецъ, Борисъ Михайловичъ: — я не разъ уже выслушалъ всѣ ваши причины и доводы и, виноватъ, не понимаю ихъ. Какъ постелешь, бабушка, такъ и выспишься...

— Такъ ты думаешь, Боринька, что можно?

— Я думаю даже, что должно.

— Боже мой! куда же дѣвались всѣ заботы мои, всѣ золотые сны... я чаяла богатаго, чаяла родословнаго, чаяла знатнаго...

— А я чаяль доброго, благороднаго, молодаго, здороваго, умнаго, работящаго...

Бабушка вздохнула, прочитала про—себя короткую молитву, перекрестилась и опять спросила:

— Такъ что жь, Боринька, съ Богомъ что ли? и весело улыбалась сквозь слёзы.

— Я думаю съ Богомъ, отвѣчалъ Борисъ Михайловичъ.

Бабушка обняла его и вышла, сказавъ:

— Ну ужь коли такъ, то молчи: я уложу это дѣло.

Борисъ Михайловичъ отъ души поцаловалъ старушку и охотно предоставилъ ей удовольствіе улаживать то, что давно само—собой уладилось.

Бабушка пришла въ свой покой, поставила на столикъ чернильницу съ перомъ, положила бумагу и послала за Наташой.

— Ну, сударыня моя, начала она, улыбаясь: — да что жь то будетъ у насъ? что вы тамъ надѣлали, кайтесь! Наташа молчала, глядя во всѣ глаза, нѣкогда лучистые, а теперь туманные, съ поволокою.

— Куда, продолжала бабушка: — куда и зачѣмъ ты у меня сына—то загнала, зачѣмъ онъ уѣхалъ?

Никогда еще Наташа не была въ такомъ странномъ положеніи и рѣшительно не знала, что отвѣтить.

— Садись, сударыня моя, садись же, мать моя, вотъ тебѣ перо и бумага; садись и пиши ему, пиши что и какъ знаешь, да чтобы онъ прїехалъ; коли любить тебя, пусть прїезжаетъ, я васъ благословлю, и отецъ благословить — а сама зарыдала.

Наташа, какъ стояла передъ бабушкой, бросилась къ ногамъ ея и обняла ея колѣни. Она нѣсколько разъ всхлипывала, но когда подняла голову и смотрѣла бабушкѣ въ лицо, то глаза ея были уже сухи и опять попрежнему лучисты, а на лицѣ не было и слѣду слезъ; бабушка также вскорѣ оправилась, поцаловала внучку, но приняла опять нѣсколько—важный и степенный видъ и требовала настоятельно, чтобы Наташа тотчасъ же писала. Нѣсколько секундъ, не болѣе того, Наташа не могла опомниться и собраться съ

мыслями: положеніе ея было слишкомъ— странно и непривычно; но когда бабушка повторила въ третій разъ все одно и то же и сказавъ: «пиши, матушка, пиши», указывала повелительно на бумагу, то Наташа вдругъ кинулась къ столу, схватила перо, и не призадумавшись ни на одно мгновеніе, написала:

«Любезный братецъ! не удивляйся/тесь, что я тебѣ/вамъ пишу. Бабушка посадила меня и строго приказываетъ: «пиши!» И что жь писать... Пиши: пусть онъ скорѣе прїѣзжаетъ, я васъ благословлю, и отецъ благословитъ...»

Бабушка съ нѣкоторымъ изумленіемъ пробѣжала записку; она не ожидала такой сговорчивости отъ секретарши своей и такой быстрой исполнительности; бабушкѣ было очень—любопытно увидѣть, какъ—то она вывернется изъ этого положенія, что—то она ему напишетъ — а тутъ никакихъ затрудненій не оказалось и дѣло было кончено, какъ—нельзя—яснѣе и короче, въ четырехъ строкахъ...

Я проѣзжалъ этотъ городъ; соборъ и новыя присутственныя мѣста, несмотря на малый просторъ, предоставленный при постройкѣ зодчemu, выстроены съ большимъ вкусомъ. Но лучшій домъ въ городѣ, не большой и вовсе не великолѣпный — это домъ архитектора, Никандра Петровича, о которомъ говорять, что онъ завидно—хорошо живеть съ молоденькою женою... Живите, любовь вамъ и совѣтъ!

В.ДАЛЬ
